

Корнелия Функе

Фуки прочь от
МИССИСИПИ

Переводчики — Леонид Шуб, Иосиф и Яков Шуб-Оселедчики

Корнелия Функе

Руки прочь от Миссисипи

«Popcorn books»

1997

УДК 821.111
ББК 84(4Гем)-44

Функе К.

Руки прочь от Миссисипи / К. Функе — «Popcorn books», 1997

ISBN 978-5-6048363-2-3

Эмма приехала на летние каникулы к своей бабушке Долли. У неё большое хозяйство: кошки, собаки, попугайчики, рыбки, а на выгоне пасётся старый мерин. От своих друзей Эмма узнаёт, что умер сосед Долли, старый Клипербуш. Когда племянник Клипербуша по кличке Аллигатор собирается избавиться от дядиной любимой кобылы Миссисипи, Долли выкупает её и неожиданно дарит своей внучке. Но Эмма рано радуется: Аллигатор появляется вновь и всеми силами пытается заполучить Миссисипи обратно. Эмме и Долли необходимо во что бы то ни стало спасти лошадь!

УДК 821.111
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-6048363-2-3

© Функе К., 1997
© Popcorn books, 1997

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	23
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Корнелия Функе

Руки прочь от Миссисипи

Cornelia Funke

Hände weg von Mississippi

© Cecilie Dressler Verlag GmbH & Co. KG, Hamburg 1997

© Леонид Шуб, Иосиф Шуб-Оселедчик, Яков Шуб-Оселедчик, перевод на русский язык,
2023

Иллюстрации в книге © Ксения Трефилова, 2023

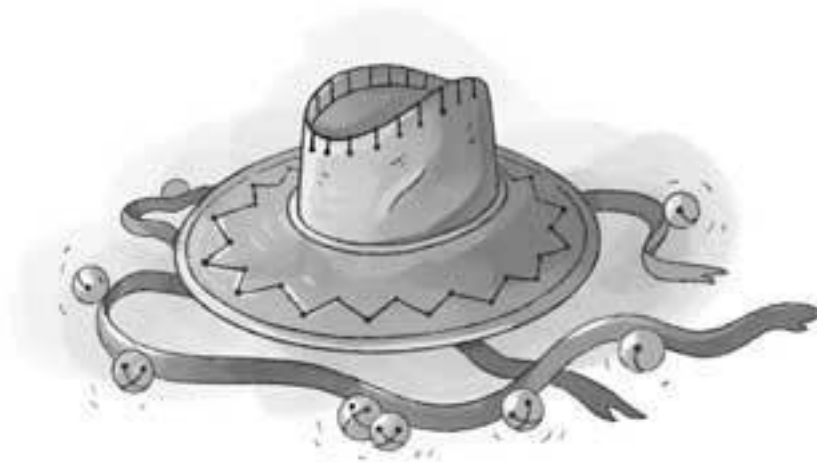
Иллюстрация на обложке © Fanny Liem, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2023

* * *

Tine, Лене и Инге

Глава первая

Выйдя из автобуса, Эмма первым делом зажмурила глаза и глубоко втянула в себя воздух. Да, вот этим и должно было пахнуть: навозом, бензином и влажной землёй.

Летними каникулами у Долли.

Эмма закинула рюкзак за спину и вприпрыжку побежала по дороге. Она плюнула в деревенский пруд, проскакала по двум лужам и оказалась перед калиткой бабушкиного сада.

Здесь всё было как всегда.

Тот же старый дом с облупившейся краской, те же цветочные ящики, в которых у Долли вместо гераней росли кочаны салата. Разве что на машине появилась ещё одна вмятина, и чёрная кошка, сидевшая на мусорном баке, была Эмме пока ещё не знакома.

Как всегда, к её приезду под грецким орехом был накрыт шаткий садовый столик. В траве копошились куры, а у раскрытой входной двери дремали Том и Джерри, старые псы Долли. Когда Эмма распахнула калитку и направилась к дому, ни один из них даже морды не приподнял. И лишь увидев девочку прямо перед собой, они сонно завилили хвостами и положили грязные лапы на её ботинки.

– Ну привет, сторожевые суперпсы.

Почесав обоим за ушами, Эмма угостила их собачьими сухариками. Она всегда набивала ими полные карманы, собираясь ехать к бабушке.

Из дома несло горелым.

Эмма улыбнулась. Видно, Долли снова пыталась что-то испечь. Вероятно, на всём белом свете она была единственной бабушкой, которой ни в какую не удавался даже самый простенький пирог. Готовила она, впрочем, тоже не особенно хорошо. Всё то, чем с удовольствием занимались бабушки подружек Эммы, Долли ничуть не увлекало: она не вязала крючком, не вязала на спицах и не читала вслух сказок. О дне рождения Эммы она забывала каждый год. Её седые волосы были короткими, как спички, одежду она носила главным образом мужскую и свою машину ремонтировала сама.

Эмма не променяла бы её ни на какую другую бабушку.

– При-ве-ет! – крикнула она в заполненную дымом кухню. – Я снова приехала.

Из-под кухонного стола на Эмму с лаем выскочил здоровенный пёс и, подпрыгнув, лизнул её в лицо.

– Привет, родная моя. – Долли сидела на корточках перед духовкой, и вид у неё был совершенно несчастный. Она вынула свой пирог и шмякнула его на стол. – Ну ты погляди, опять перепекла. Ничего не понимаю. А ведь я даже специально раздобыла себе такой вот дурацкий кухонный будильник.

Огромная собака оставила Эмму в покое и принялась обнюхивать сгоревший пирог.

– Какая удача, что я ещё на всякий случай купила немного выпечки.

Долли вытерла о штаны испачканные мукой руки и чмокнула Эмму в щёку.

– Как хорошо, что ты снова здесь. Надеюсь, ты по мне скучала?!

– Ещё как скучала.

Эмма сняла рюкзак и протянула незнакомой собаке горстку сухариков.

– А этот ещё откуда взялся?

Долли вынула из шкафа большой свёрток с пирогом.

– Пучок-то? – Она потянула Эмму за собой на свежий воздух. – Его наш ветеринар Кнапс нашёл где-то у въезда на автобан. Ты же знаешь, как раз такие всегда попадают ко мне.

Эмма широко улыбнулась.

Ещё бы ей не знать! Куры, не несущие яиц, беременные кошки и грызущие ковры собаки – бабушка принимала всех подряд. Даже одного старого мерина к себе взяла – теперь он пасся за её домом на выгоне. Звали его Альдо. Четыре года назад Долли спасла его от живодёрни. На спине Альдо она обучила Эмму верховой езде.

– Как поживает Альдо? – спросила Эмма.

Долли присела на садовую лавку, которую дедушка смастерил много лет назад, налила в чашку какао и протянула Эмме.

– Альдо? У него всё хорошо. Небольшие неприятности с зубами, но жрёт всё равно как слон.

– А что вообще слышно? – Эмма взяла в руку кусок пирога.

Одна из куриц скрылась под столом и дёрнула за шнурок её ботинка.

– Ну что... да ты и сама слышишь.

Как раз в этот момент в автомастерской Проске по соседству заглох мотор. Эльсбет Докенфус, соседка Долли по левую руку, подметала дорогу перед стеной своего сада – под аккомпанемент радио.

– Эй, Эльсбет! – крикнула Долли. – Ты не могла бы сделать своё радио чуть потише? У меня от этого грохота уже кофе из чашки выплёскивается.

Ворча себе под нос что-то невнятное, Эльсбет прошаркала к стене, выключила радио и приблизилась к забору Долли.

– На вот! – Она перебросила через забор пустую сигаретную пачку и две палочки от мороженого. – Это я нашла у тебя под забором.

– Вот уж это вполне могла бы оставить себе, – отмахнулась Долли. – Хочешь чашечку кофе, Эльсбет?

– Нет уж, спасибо. – Эльсбет кивнула Эмме. – Привет, Эмма, а я-то думала, ты домой уехала.

– Так я и уехала. – Эмма едва удержалась, чтобы не рассмеяться. – Но это было уже три месяца назад, фрау Докенфус. А сейчас у меня летние каникулы.

– Ах вот как? – Эльсбет Докенфус наклонилась и выдернула из земли несколько цветочков, росших у Долли под забором. – Одуванчики. Фу ты, чёрт. Ладно, ешьте свой пирог. У меня свои дела.

С мрачным лицом она вновь взялась за метлу, включила радио на полную громкость и принялась мести дальше.

Долли вздохнула. Но Эмма не могла сдержать улыбки.

– Всё как всегда. Это замечательно.

А вот дома сейчас всё в очередной раз менялось. Пока Эмма гостила у Долли, её родители обставляли новую квартиру. Новая квартира, новый город, новая школа. Об этом не хотелось даже вспоминать.

– Всё как всегда, говоришь? – Долли покачала головой. – Не совсем, сладкая моя. На прошлой неделе умер старый Клипербуш.

– Ой! – Эмма испуганно взглянула на бабушку. – Он же был ещё совсем не старый.

Долли снова покачала головой.

– Не намного старше меня. Но об этом ты наверняка сейчас всё в точности узнаешь, – она показала в сторону калитки. – Глянь-ка, кто там бежит. Ну и быстро же разнеслась весть о твоём приезде.

Вокруг деревенского пруда бежали два мальчугана – это были Лео и Макс, сыновья булочника, жившие в доме напротив. Они наперегонки помчались к калитке Долли, и Макс, как всегда, перемахнул через неё первым. Он показал брату язык и рванулся к свободному стулу рядом с Эммой. Следом за ним появился раздосадованный Лео.

– Ты меня толкнул, – накинулся он на брата. – Только чтобы перед Эммой выпендриться.

– Эй вы оба! – Долли приподняла свою чашку. – С вашей толкотнёй чуть мой кофе не расплескали. Тоже хотите что-нибудь попить? Или съедите по куску пирога?

– Это ты пекла? – недоверчиво спросил Макс.

– Что ты хочешь этим сказать?!

– Ну раз нет, то я с удовольствием.

– Нахальство, – фыркнула Долли и поднялась. – Но чего-нибудь попить я вам всё же принесу.

В сопровождении Пучка она скрылась в доме.

– Ну привет, Эмма, – пробормотал Лео.

– Ты представляешь, что случилось? – Макс отпихнул брата в сторону. – Старый Клипербуш упал замертво прямо перед нашей лавкой. Прямо вот так – бах! – и свалился. Ну ты же помнишь Клипербуша?

Эмма кивнула. Она прекрасно помнила.

Каждое воскресенье он проезжал по деревне верхом на своей кобыле Миссисипи. В её гриву были вплетены разноцветные ленточки с маленькими бубенчиками. На голове Клипербуша неизменно красовалась ковбойская шляпа. Всякий раз, проезжая мимо дома Долли, он эту шляпу стягивал и приветственно ею помахивал.

– Он был мертвехонек, как безголовая курица, – выдохнул Макс.

Лео взял себе кусок пирога, уселся на место Долли и отпил глоток от её кофе с молоком.

– А вы его... в смысле... – Эмме было неловко смотреть на них. – Вы его видели?

– Конечно, – сказал Макс, – то есть я-то видел. А этот, – он ткнул брата в бок, – сразу исчез за домом, и его стошнило.

– А вот и нет, – возразил Лео.

– А вот и да! – Макс чуть не спихнул брата со стула. – Я хотел было поднести ко рту Клипербуша зеркальце, как это в кино всегда делают, но мама меня не пустила. А его лошадь ужасно разволновалась. Будто понимала, что случилось. Только доктор Кнапс и смог её успокоить.

Доктора Кнапса Эмма тоже знала. В доме Долли он был завсегдатаем. С кем-нибудь из её животных вечно было что-нибудь не так.

– Ну что? – Долли вернулась с бутылкой сока. – Эти двое уже всё рассказали тебе о кончине Клипербуша?

Лео пододвинулся, освобождая место для Долли.

– И что с того? – буркнул Макс. – Не каждый же день такое бывает, чтобы кто-нибудь замертво валился, верно?

– К счастью, нет, – ответила Долли. – Мне будет не хватать Клипербуша. Что ни говори, умер он красиво.

– Папа говорит, что он был чокнутый, – вставил Макс.

– Да ладно! – Долли взяла своё блюдо и положила на него кусок пирога для Макса. – Твой отец полдеревни чокнутыми считает. И меня, небось, тоже.

– А что произошло с его кобылой? – спросила Эмма.

Мальчики пожали плечами.

– Уж она-то точно чокнутая, – заметил Макс с набитым ртом.

Долли задумчиво разгладила скатерть.

– Пока что о ней заботится Кнапс. Но всё наследство, пожалуй, достанется племяннику Клипербуша, а уж тот-то кобылу точно продаст.

– Жалко, – пробормотала Эмма.

Готовясь ехать на Миссисипи верхом, Клипербуш всегда сам наряжал её, и всякий раз чуть-чуть по-другому. Эмма иногда держала пари с Долли о том, будут у кобылы цветы за ушами или бубенцы на уздечке. Каждое воскресенье они сидели под ореховым деревом и с нетерпением ожидали.

Наконец Клипербуш появлялся, взмахивал своей шляпой и восклицал: «С добрым утром, дорогие дамы».

Конечно, Эмма тоже будет по нему скучать.

Уж это точно.

Глава вторая

Наутро будильник Эммы прозвенел в шесть часов, но Долли уже и след простыл. Пять раз в неделю она по утрам развозила на велосипеде газеты в своём селе и в двух соседних деревнях.

Эмма побрызгала на лицо холодной водой, съела на ходу бутерброд с вареньем и принялась за работу.

О её ноги тёрлись семь кошек, а собаки в нетерпении шумно возили своими мисками по каменным плиткам. Когда Долли была здесь одна, она успевала накормить всю эту ораву ещё до того, как отправлялась развозить газеты.

– Да уж, не повезло вам, – приговаривала Эмма, роясь в ящике со столовыми приборами в поисках консервного ножа. – Следующие шесть недель вы будете получать еду не раньше, чем я выползу из кровати.

К тому времени, когда все банки с кошачьей едой были вскрыты, пальцы у неё ныли, будто искусанные. Счастье ещё, что собаки питались сухим кормом.

Теперь настала очередь пернатых: трём волнистым попугайчикам в гостинной и курам требовалось много-много зерна и свежей воды. После этого Эмма накормила двух старых коз. И только потом задала корм Альдо – самое приятное она всегда оставляла напоследок.

Каждое утро она предвкушала радость встречи с Альдо, когда он уткнётся в неё своей мордой и обыщет карманы куртки в поисках морковки. И тут же Эмма принималась мечтать о том, что Альдо станет её лошадью. Безумная мечта!

Новая квартира, которую как раз сейчас обставляли родители, опять находилась на пятом этаже, потому что мама на такой высоте меньше боялась грабителей. Там Эмме не позволят держать даже морскую свинку. Да что там говорить, мечта о собственной лошади была действительно нелепой, но Эмма всё-таки снова и снова ловила себя на этой мысли. Особенно в те минуты, когда поглаживала мягкий нос Альдо.

Всякий раз, приезжая сюда, Эмма спрашивала себя, не позабыл ли её старый мерин. Хоть она и старалась всегда гостить у Долли как можно дольше, а всё же ещё дольше тянулись недели и недели до следующих каникул.

– Привет, Альдо, ты уже проголодался? – спросила она, войдя в конюшню.

Мерин поднял голову и фыркнул. Эмма нежно погладила его по носу и легонько дунула в ноздри. Именно так приветствуют друг дружку лошади – это она когда-то вычитала в одной книжке. Книг о лошадях Эмма читала много. Мама даже считала, что слишком много.

Альдо фыркнул в ответ – настолько порывисто, что у Эммы перехватило дух, и она захихикала. От лошадиного дыхания совершенно закружилась голова. Эмма наполнила ясли Альдо овсом и натащила свежей воды. Долли снова и снова внушала ей, что это важнее всего остального. Ведь лошади не терпят застоявшейся или грязной воды. Они скорее вовсе не станут пить, а это может быть очень опасным: от этого у них начинаются колики. Когда Альдо вдоволь наелся и напился, Эмма вывела его на выпас. Там к колышку уже были привязаны обе козы. Если они оставались не на привязи, то могли перескочить через любой забор. Нельзя сказать, что козы самая подходящая компания для лошади. Но всё же лучше, чем вовсе никакой.

«Лошади становятся чудаковатыми, если подолгу остаются в одиночестве, – говорила Долли. – Совсем как люди».

После того как Эмма ещё и подмела в конюшне, и яйца из куриных гнёзд вынула, она почувствовала себя настолько уставшей, что охотнее всего тут же улеглась бы обратно в постель.

В первый день у Долли всегда так бывало.

Но Эмма, конечно же, не легла. Позёвывая, она пошла в кухню и принялась готовить завтрак. И тут в голове у неё мелькнула мысль о том, что она снова позабыла про рыбок. О них Эмма частенько забывала, потому что рыбки ей не очень нравились. Долли они тоже не нравились, но она всегда повторяла, что сами-то рыбки в этом ничуть не виноваты, – и, конечно, была права.

Вернувшись домой, Долли обнаружила Эмму спящей на кухонном диванчике и накрытый к завтраку стол: сваренные всмятку яйца, полный термос крепкого кофе и свежие булочки, купленные у отца Лео и Макса в булочной по ту сторону деревенского пруда.

У Долли ушло немало времени на то, чтобы расщекотать Эмму ото сна.

– Ну как тебе деревенский воздух? – спросила она. – Утомляет, верно?

– Ужасно... – заспанно пробормотала Эмма и села. – И как только тебе удаётся быть такой бодрой в такую рань?

– Ах, знаешь ли, – вздохнула Долли, усаживаясь за кухонный стол, – ранний подъём мне как раз нипочём. В моём возрасте всё равно спят уже меньше. Но эта велосипедная езда... просто отвратительная. А в последнее время мне приходится объезжать сразу три соседние деревни. Порой бывает нелегко победить искушение и не поехать на машине.

– Давай я буду развозить газеты вместо тебя! – предложила Эмма. – Мне совсем не трудно.

– Нет уж, лучше не надо, – рассмеялась Долли. – Иначе мне вовсе уже будет не взобраться на велосипед, когда ты снова уедешь.

– Так, может быть, тебе это просто бросить? У тебя же есть пенсия, да и от дедушки кое-какое наследство осталось.

– Ты понимаешь, – Долли глотнула кофе, – Альдо ведь моложе не становится, а собакам нужно ежегодно делать прививки от бешенства, и всегда у какой-нибудь из кошек ожидается прибавление. В результате – куча счетов от ветеринара. Тут мне каждая марка сможет пригодиться.

Эмма понимающе кивнула.

В ту же секунду раздался стук в дверь.

Том и Джерри остались лежать, но Пучок так дико метнулся из-под стола, что Эмма пролила какао на джинсы.

Долли не успела ещё добраться до двери, а Пучок уже нажал на дверную ручку.

– Отойди в сторону, ты, чумовой, – прикрикнула Долли, с трудом протискиваясь мимо виляющего хвостом верзилы.

У входа стоял ветеринар Аарон Кнапс.

Завидев его, Пучок мигом снова исчез под столом.

– Ну ты погляди, лёгок на помине, – воскликнула Долли. – А ты-то что тут делаешь? Разве я тебя вызывала?

– Нет! – ответил Кнапс. – Проклятье, Долли, я так взбешён, того и гляди взорвусь.

Кнапсу пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о дверную притолоку. Он сердито протопал мимо Долли в кухню и, увидев Эмму, выдавил из себя слабую улыбку.

– О, Эмма, привет! Снова в наших краях?

– Батюшки! – Долли придвинула ему стул. – Ты же красный, как варёный рак. Что случилось?

Доктор Кнапс опустил на пол врачебную сумку и попытался разместить под столом свои длиннющие ноги. Однако между столькими собачьими мордами там попросту не нашлось места.

– Может быть, вы хотите кофе? – спросила Эмма.

– Что? Да, с удовольствием. – Ветеринар снял и протёр очки.

– Ну давай, выкладывай! – Долли согнала со своего стула кошку и присела. – Кто тебя так разозлил?

Кнапс пригладил растрепавшиеся волосы.

– Ты же знаешь, я каждое утро выезжаю в усадьбу Клипербуша, – начал он, – чтобы присмотреть за его кобылой, которая стоит в своей конюшне одна-одинёшенька. Я уже который день жду, когда же его племянник в конце концов удосужится заглянуть в усадьбу и решить, что будет с животным. Других-то наследников, видно, нет, если он единственный живой родственник.

– Мне тоже так представляется, – согласилась Долли. – Пусть Клипербуш и не особенно жаловал своего племянника, а всё-таки это сын его любимой сестры.

– Негодяй он, вот он кто! – закричал доктор. – Знаешь, что говорит мне этот субъект сегодня утром, когда я наконец-то встречаю его в усадьбе? – Кнапс с такой силой хлопнул ладонью по столу, что какао Эммы опять расплескалось. – Что он уже звонил скотобою! Что ты на это скажешь?!

– Очень на него похоже, – покачала головой Долли. – Я этого племянничка встречала у Клипербуша пару раз, и с меня вполне хватило. Его ведь, кажется, Альбертом зовут?

Доктор кивнул.

– Альберт Гансман. Ты представляешь? – Он наклонился над столом. – Я этому типу объясняю, что животное абсолютно здорово, что оно ещё по меньшей мере лет десять проживёт и чтобы он отдал его кому-нибудь на попечение, если сам о нём заботиться не может. Тут он ухмыляется мне в лицо и говорит: «Забойщик платит мне триста марок, а всё остальное стоит моих денег». Вот и весь его ответ!

– Ты пей свой кофе, – посоветовала Долли. – Это успокаивает. Отчего бы ему не попытаться продать кобылу, раз он так гонится за деньгами? Ведь она ещё вовсе не старая.

– Старая не старая, но ты же знаешь, как она выглядит! – Доктор Кнапс отхлебнул глоток кофе, сваренного Эммой, и его передёрнуло. – Гром и молния, какой крепкий!

– Да, Эмма варит шикарный кофе, – заметила Долли, – ложка стоит.

– Миссисипи... – Доктор сделал ещё один, очень осторожный глоток. – Быть может, для Клипербуша Миссисипи и была красавицей. Но ведь она, как ни крути, а вся в полосках, словно зебра, – с тех пор как угодила тогда в колючую проволоку. Кроме того, у неё плохие зубы, потому что Клипербуш вечно кормил её шоколадом. Даже этот Гансман понимает, что такую лошадь никто не купит. Нет, он отдаст Миссисипи на скотобойню.

– Да как же так! – воскликнула Эмма. – Ведь можно же против этого что-то сделать! Долли вздохнула.

– Даже и не знаю что, дорогая.

Доктор Кнапс поглядел на Долли поверх своей чашки.

– Ты не могла бы с ним поговорить?

– А-а, вот почему ты здесь, – протянула Долли.

– Ну пожалуйста, Долли! – Доктор Кнапс изобразил на лице свою самую милую улыбку. – Сходи к племяннику Клипербуша и предложи ему взять Миссисипи на попечение. Бесплатно. Ещё сегодня. Этот подонок... – Он бросил смущённый взгляд на Эмму. – Прости, Эмма. Этот... эм-м... человек торопится вернуться в город. Уломай его, ты же по этой части мастерица. Пусть отдаст тебе лошадь.

– Не знаю. – Долли разрешила ещё одну булочку и густо намазала её вишнёвым вареньем. – Ещё одну собаку или, там, кошку, сам же знаешь, можешь привести сюда в любое время. Но ещё одну лошадь? – отмахнулась она. – Нет, Кнапс, как мне ни жаль... Альдо и так уже меня разоряет, о счетах от ветеринара и говорить нечего.

– Но расходы я беру на себя! – вскричал доктор. – Я тебе всё оплачу. И мои врачебные услуги тогда, естественно, тоже будут бесплатными.

Он с обидой взглянул на Долли.

– Мне же не впервой довольствоваться парой куриных яиц, верно?

Долли ничего не отвечала. Просто сидела и чертила ножом по столу невидимые узоры.

– Ну пожалуйста, бабушка! – взмолилась Эмма. – Альдо наверняка бы обрадовался.

– Теперь ещё и ты вмешиваешься! – пробурчала Долли. – «Бабушка»! Если она вот так говорит, то уже всё равно поздно, – простонала она. – Держу пари, кобыла жрёт одну икру, потому что Клипербуш её настолько избаловал. Но это, собственно, уже не моя печаль. Всё ведь будет за твой счёт, Кнапс.

– Даю честное слово! – Лицо доктора до ушей расплылось в сияющей улыбке. – Я знал, что ты мне поможешь.

– Да что ты говоришь? Радуйся, что Эмма тебя поддержала. И что у меня слабость к животным, которые никому не нужны. Хорошо. Когда нам за нею съездить?

Кнапс вскочил. Так стремительно, что ударился коленями о стол.

– Прямо сейчас! Я отвезу вас.

– Ладно, ладно! – Долли тряхнула головой. – Погляди на него, Эмма. Он такой же чокнутый, как я. Даже трёхногую корову – и ту бы ещё попытался от забойщика спасти.

– Ну что ты! – Ветеринар взял свою сумку и смущённо поправил очки. – Как-никак, мы же с Клипербушем каждый вторник в карты играли, и я знаю, как он был привязан к Миссисипи. Я должен сделать это ради него. И потом, ни одной лошади не место в колбасе.

– Свинья тоже не стала бы утверждать, что мечтает попасть в колбасу, – возразила Долли и со вздохом встала. – Ну ладно, ребята, поехали. Пока я не передумала. Осторожно, Кнапс, пригни голову!

Но доктор уже врезался в притолоку.

Глава третья

Старый Клипербуш был в деревне человеком далеко не бедным. Его дом был самым большим на всю округу, а на прилегавшем к нему участке земли смогли бы уместиться все тридцать пять домов деревни. Несмотря на это, после его смерти в конюшнях осталось только одно-единственное животное – Миссисипи.

– А почему у него, собственно, была всего одна лошадь? – спросила Эмма по дороге к усадьбе.

– Всех остальных он пережил, – объяснил доктор, – или продал.

– Продал? Как же так? – Эмма выпихнула Джерри из кармана своей куртки. Уговорить его с Томом остаться дома не удалось, так что теперь Эмма сидела на заднем сиденье с двумя собачьими мордами на коленях.

– Да просто Клипербуш в очередной раз собрался эмигрировать, – ответил доктор. – В Америку. Это была его заветная мечта. Каждые семь-восемь лет он продавал своих животных, собирал два огромных чемодана, со всеми прощался – а потом всё-таки оставался. За две недели до его смерти опять началось: Клипербуш продал лошадей, коров, кур и даже кое-что из мебели. И только с Миссисипи расстаться не смог. В его глазах ни один человек не был достоин этой кобылы. Уже и чемоданы его стояли собранные рядом с кроватью, а Миссисипи по-прежнему была у него. Н-да, а потом Клипербуш взял да и упал замертво.

Кнапс остановил машину на обочине.

– Так, я вас здесь высажу. Будет лучше, если этот тип не увидит мою машину. Сегодня утром мы здорово накричали друг на друга.

– Вот как! – Долли посмотрела на него и покачала головой. – Об этом ты нам вовсе ничего не рассказывал.

– Мне было неловко признаться, – пробурчал доктор. – Но этот тип просто вывел меня из себя. Как бы там ни было, желаю, чтобы тебе повезло больше!

– Кривая вывезет! – бросила Долли в ответ.

Только она вышла из машины, как Том и Джерри собрались прыгнуть следом, но Долли захлопнула дверь у них перед самым носом.

– Вот что, Кнапс, собак мы оставим с тобой, – сказала она. – Мои бедные нервы не выдержат избалованную клячу и двух сумасшедших собак за раз. К тому же они с большей охотой прокатятся в машине, чем будут тащиться за нами по дороге. После просто завезёшь их обратно ко мне, идёт?

– Ну если это очень нужно...

Тут доктор высунулся из окна и зашептал:

– Долли, оставайся вежливой, как бы отвратительно он себя ни вёл. Иначе он доведёт дело до конца и отправит Миссисипи на живодёрню, только чтобы позлить тебя.

– Ну-ну! – ухмыльнулась Долли. – Меня не так-то легко вывести из себя.

– И вот ещё что! – Доктор поманил её поближе. – Здесь триста марок. Отдашь ему, если не поможет твоё красноречие.

– Знаешь что, Кнапс? – Долли сунула деньги в кошелек. – Мне будет ужасно любопытно узнать, кто из нас от любви к животным первым разорится. Давай, вали уже отсюда. Теперь наш с Эммой выход.

* * *

Дом Клипербуша показался Эмме жутковатым. Серый и недружелюбный, он стоял в глубине замощённого двора, окружённый пустыми хлевами и высокой живой изгородью боярышника. Единственный выход к дороге вёл через большие железные ворота.

Когда Долли распахнула их, Эмма пробормотала:

– Я бы такой дом и даром не взяла.

– Клипербушу он тоже не особенно нравился, – сказала Долли. – Но дом принадлежал его семье с незапамятных времён, вот он его и не продавал. Он не помышлял об этом, даже когда начинал бредить эмиграцией.

Пустой двор Долли и Эмма пересекли молча. Перед конюшнями стоял большой новенький автомобиль.

– Это... племянника? – шёпотом спросила Эмма.

– С чего это ты вдруг зашептала? – поинтересовалась Долли. – Боишься, что тебя услышит дух старого Клипербуша? Уверена, что он давным-давно в Америке.

Она подошла к автомобилю и глянула через стекло.

– Н-нет, этот явно не Клипербуша. Уж больно фанфаронский, на мой вкус.

Эмма огляделась по сторонам и поёжилась, она чувствовала себя здесь неуютно.

Большая парадная дверь дома была немного приоткрыта. Долли потянула Эмму туда.

– Идём. Внутри всё не так уж плохо.

* * *

Но и внутри дом показался Эмме таким же мрачным.

– Ох, – вздохнула она, – если бы меня заставили жить в таком доме, я бы тоже сбежала за границу.

Племянника Клипербуша они нашли наверху в спальне – единственной комнате, не заставленной старой громоздкой мебелью. На стене висели два плаката: на одном был изображён Гранд-Каньон, на другом – плывущий по Миссисипи пароход. Рядом с кроватью стояли два собранных чемодана.

Альберт Гансман прошупывал матрас своего покойного дяди.

Долли постучалась в открытую дверь.

– Зря стараетесь, – сказала она, – ваш дядя всегда относил свои деньги в банк.

Племянник Клипербуша обернулся.

– Вам-то что тут надо? – набросился он на Долли.

Та же изобразила на лице свою самую любезную улыбку.

– Герр Гансман, мы пришли сюда по поводу Миссисипи – кобылы вашего покойного дяди. Я Долорес Блюментрит. Возможно, вы меня ещё помните. Мы несколько раз встреча-

лись с вами в этом доме. А моё хозяйство – у деревенского пруда. Ребёнком вы там нередко околачивались.

– Ах ну да! Конечно! Деревенский друг животных. – Альберт Гансман рассмеялся. Прозвучало это не очень приятно. – Припоминаю, припоминаю. Такса-Долли – так мы вас всегда звали. Я и мои друзья.

– О, мне вспоминаются некоторые прозвища пообиднее, – заметила Долли.

Эмма перевела взгляд на неё. Долли-то улыбалась, а вот её глаза не смеялись.

– Я слышала, что вы хотите избавиться от кобылы вашего дяди, – продолжала она. – Это правда?

Гансман кивнул.

– Да. Я уже вызвал забойщика. Ведь её не продашь, вы бы её только видели.

– Именно, – поддакнула Долли. – Потому-то я и здесь. Я с удовольствием взяла бы кобылу к себе. А вы избавились бы от неё, не сходя с места и не заплатив ни пфеннига. Да и лошади жилось бы у меня хорошо.

Гансман наморщил лоб.

– Честно говоря, мне безразлично. Хотите заполучить эту клячу, дайте мне больше того, что платит забойщик. Очень просто.

– Да что вы? – Долли всё ещё глядела так, словно считала своего собеседника славным малым. Эмме ничего не оставалось, как лишь восхищаться настолько талантливым притворством. – И сколько же?

Гансман дёрнул плечом, стряхнул с костюма паука и раздавил его.

– Забойщик платит мне триста марок, дайте четыреста – и лошадь ваша.

– Знаете что? – Долли убрала со лба седые волосы. – Я дам вам двести. Всё, что у меня с собой.

– Что? – Гансман снова расхохотался. – Это что, дурацкая шутка? На такой вздор у меня нет времени.

– Именно, – опять поддакнула Долли, – у вас нет времени. По вам сразу видать. Вот я и предлагаю вам двести марок. Ближайший забойщик лошадей – толстый Пит, а он живёт далеко, очень далеко. И вообще, он всегда ужасно тянет резину. Что он вам сказал? Пообещал, небось, что приедет послезавтра? Или послепослезавтра? Тогда можете спокойно накинуть ещё денька четыре. На Пита никогда нельзя положиться. Вот вы позвоните ему. – Долли указала на переносной телефон, торчавший у Гансмана из кармана куртки. – Вон ведь у вас какой замечательно удобный аппарат. Позвоните Питу и спросите у него, когда он заберёт Миссисипи.

Альберт Гансман поглядел на Долли, вытащил было телефон – и снова засунул обратно.

– Ну ладно. Я тоже слышал, что этот забойщик не из проворных. – Он поправил галстук. – Дайте мне двести пятьдесят.

Эмма затаила дыхание и перевела взгляд на бабушку. А ту всё это, похоже, здорово забавляло.

– Двести, я сказала. Вообще-то говоря, не мне ли здесь положено быть тугой на ухо? А? Гансман рассерженно сощурил глаза.

– Такса-Долли... А ведь вы, кажется, всегда были такой упрямой, верно? Дядя как-то сказал, что голова у вас будет потвёрже кладбищенской стены. Не связывайтесь с Долли, говорил он.

– Да-да, он хорошо меня знал, – усмехнулась Долли. – Даже очень хорошо. Когда-то он хотел забрать меня с собой в Америку, но это давняя история. Ну так как? Двести?

Гансман пожал плечами.

– Двести. Будто у меня нет дел поважнее, чем торчать здесь и торговаться по мелочам со старой женщиной. Давайте деньги, но тогда и лошадёнку сразу с собой забирайте, ясно?

– Да, так и сделаем, – вырвалось у Эммы. – С удовольствием.

Гансман на неё даже не взглянул.

Долли достала из кармана куртки кошелек и отсчитала деньги ему в руку.

– Да, и вот ещё что, – прибавила она. – Я предпочитаю такие вещи оформлять в письменном виде. Напишите мне на листочке, что я приобрела лошадь на законных основаниях.

Гансман вздохнул. Его телефон зазвонил, но он не обратил на него внимания.

– Будут ещё особые пожелания? Может, мне эту клячу ещё и упаковать красиво, и бантик ей подвязать?

– Нет, спасибо, – сказала Долли. – В этом нет нужды. Мы её так заберём.

В ответ Альберт Гансман и тут залился смехом, но звучал он ненамного приятнее.

– И на кой ляд она вам вообще сдалась? – спросил он.

– Да видите ли, – Долли окинула взглядом спальню Клипербуша, – я, собственно, лишь хотела спасти Миссисипи от забойщика – уверена, что вам этого не понять. Но раз уж она теперь стоит такой кучи моих кровных денег, заработанных тяжким трудом, у меня появилась ещё и другая идея. Моя внучка без ума от лошадей. А от моего старого мерина проку уже мало. Вот я и подарю кобылу ей.

Эмма смотрела на Долли, окончательно потеряв дар речи.

А Гансман опять рассмеялся.

– Тэк-тэк, – с издёвкой сказал он. – Что ж, деточка, как говорится, будьте счастливы. Прям мечта, а не лошадь!

Только Эмма не обратила на него никакого внимания. Словно онемев, она всё ещё стояла и вдумывалась в слова, только что произнесённые её бабушкой.

– Что писать? – спросил Гансман, раскрывая свой блокнот.

Долли продиктовала:

– Настоящим подтверждается, что я, Альберт Гансман, продаю Долорес Блюментрит кобылу Миссисипи по цене в 200 немецких марок. Дата. Подпись.

Когда Гансман протянул Долли подписанный листок, она его тщательно перечитала. Затем, кивнув, свернула и засунула в карман брюк.

– Большое спасибо. Может случиться, что вы всё-таки ещё отыщете в этом матрасе золотые сокровища. Пойдём, Эмма.

Они поспешили покинуть дом. Во дворе Эмма оглянулась и увидела наверху Альберта Гансмана. Он стоял у окна и наблюдал за ними.

– Кажется, твоя шутка насчёт матраса ему не понравилась, – заметила она.

– Ну и что с того? Мне этот тип не понравился целиком, – отозвалась Долли. – Пошли, сейчас первым делом заберём Миссисипи и поскорее вернёмся домой. Пешком отсюда путь неблизкий.

Кобыла стояла в самом дальнем стойле пустой конюшни. Когда Долли и Эмма приблизились, она наострила уши и беспокойно затопталась на месте. Долли протянула руку и дала Миссисипи обстоятельно обнюхать её.

– Лошади чем-то похожи на собак, – тихо сказала она. – Они судят о людях по их запаху. Надеюсь, мой запах этой барышне придётся по нраву.

– По-моему, она симпатичная, – шепнула Эмма.

– Что, Миссисипи, – негромко спросила Долли, – хочешь прогуляться? – Она огляделась вокруг. – Эмма, ты не видишь, здесь где-нибудь недоуздок висит? Неплохо бы к нему ещё и верёвку подобрать. Кнапс так торопился, что я совершенно позабыла прихватить с собой что-нибудь подходящее.

Эмме пришлось долго искать, пока в одном из передних стойл не нашлись наконец недоуздок и верёвка с карабином. А в расписном сундуке, стоявшем рядом с воротами в конюшню, она обнаружила ещё кое-что: старые перемётные сумки, доверху набитые пёстрыми лентами, бубенцами и тряпичными цветами; великолепный чепрак, который Клипербуш всегда подсти-

лал Миссисипи под седло; красную уздечку с набором и, наконец, само седло. Вблизи оно выглядело ещё красивее. Эмма восхищённо провела рукой по тиснёной коже.

– Ну как, нашла что-нибудь? – позвала Долли.

– Много всего! – откликнулась Эмма. Она принесла бабушке недоуздок, верёвку и перемётные сумки.

– Там, в сундуке, ещё лежит седло, упряжь и всё такое. Но ведь мы же не купили их вместе с лошастью, как ты думаешь?

– А по-моему, ещё как купили, – уверенно сказала Долли. – Чепрак и седло положим ей на спину, а вот упряжь со всем остальным сложи пока в перемётные сумки. Отвести Миссисипи домой будет проще, если возьмём недоуздок и верёвку.

Тогда Эмма принесла всё, что было в сундуке Клипербуша, и положила на солому рядом со стойлом Миссисипи.

– Такого красивого седла я ещё никогда не видела, – сказала она. – Только вот форма у него странная какая-то, правда?

Долли кивнула.

– Это седло вестерн, ковбойское. Клипербуш выписал его специально из Америки. Когда он в первый раз проскакал на этой штуке, над ним потешалась вся деревня, но Клипербушу это было до лампочки. Его никогда не интересовало, что о нём говорят люди. – Она открыла дверцу стойла и подошла к Миссисипи. – Ах ты, моя красавица.

Кобыла отступила на шаг и фыркнула. Но когда Долли надевала на неё недоуздок, вела себя смирно. Осторожно закрепив верёвку, Долли ещё раз успокаивающе похлопала Миссисипи по шее и повела за собою из стойла.

Только когда на неё пристраивали чепрак и седло, Миссисипи слегка разволновалась, но Долли погладила её, заговорила с нею вполголоса, и лошадь снова успокоилась.

– Я ведь ещё не могу ехать на ней верхом, правда? – спросила Эмма.

– Нет, дорогая. – Долли с улыбкой покачала головой. – Для этого она сперва должна познакомиться с тобою поближе. Кроме того, эта барышня очень прихотлива в выборе наездников. Прежде чем решишься взобраться ей на спину, ты должна быть совершенно уверена в том, что нравишься ей.

– Ну ладно, не страшно. – Эмма перекинула перемётные сумки через плечо и открыла ворота конюшни.

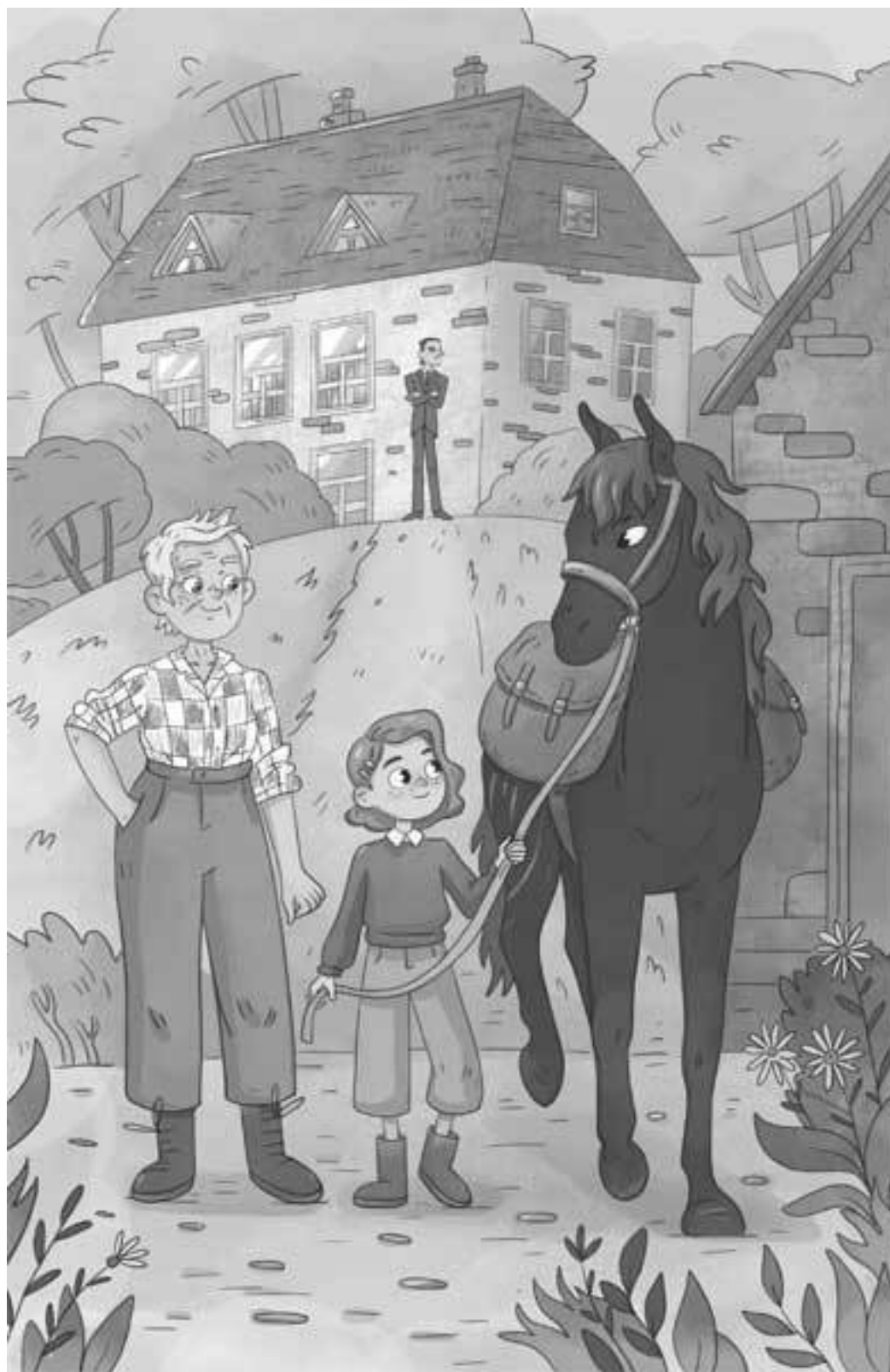
Миссисипи потянула ноздрями свежий воздух, всхрапнула и радостно заторопилась выбраться на свободу.

– Ну и ну, – удивилась Долли. – Сколько же ты простояла в конюшне?

Пока она вела кобылу через двор, та несколько раз оглядывалась, но через ворота прошла за Долли смирно, словно овечка.

– Ну вот, пожалуйста! – облегчённо выдохнула Долли. Они зашагали по узкой просёлочной дороге к деревне.

– Всё прошло как по маслу. Но дома мне первым делом понадобится смыть воспоминание об этом Гансмане рюмкой коньяка. Честное слово, такого племянничка Клипербуш ничем не заслужил. – Она обернулась к кобыле. – Симпатичная барышня, верно? Несмотря на зебровые полосы. Ты знала, что, если лошадь поранилась, новая шерсть на этом месте отрастает белого цвета?

Эмма помотала головой.
Долли наклонилась к ней.

– Что-нибудь не так?

Эмма откашлялась.

– То, что ты сказала... Вот тогда... Ты ведь это просто так сказала, да?

– Что же я такое сказала? – На лице Долли появилась лукавая улыбка. – Теперь уж и не припомню.

Эмма залилась краской.

– Ну что ты хочешь мне эту кобылу... подарить.

Долли осклабилась.

– Да? Я это сказала? Ну раз я это сказала, значит, я это и имела в виду.

Тут Эмма бросилась ей на шею. Да так стремительно, что Долли едва не выпустила из рук верёвку.

– Эй, эй, не так бурно! – крикнула она. – Не то твоя лошадь сбежит, а ты с нею даже познакомиться поближе не успеешь.

У Эммы от волнения сбилось дыхание.

– Как думаешь... – спросила она, немного успокоившись. – Как ты думаешь, Альдо и Миссисипи поладят? – И сунула руку в карман куртки. – Эх, у меня для неё даже морковки нет.

Она то и дело оборачивалась и разглядывала лошадь. Свою лошадь. Миссисипи прядала ушами и глядела в ответ.

– Если они не поладят, то уж Альдо будет точно ни при чём, – сказала Долли. – Пару дней подержим их порознь. Пусть первое время обнюхивают друг друга через забор. Рано или поздно они поймут, что вдвоём гораздо приятнее, чем в одиночку.

– Слушай, Долли, – Эмма возбуждённо запрыгала перед бабушкой, – ты должна позвонить доктору Кнапсу и вернуть ему его деньги. Ты должна сказать ему, что это мы купили Миссисипи.

– Хорошо, хорошо! – Мимо проехала машина, и Долли остановилась. Но Миссисипи не испугалась. Было видно, что к машинам она привычна. – И всё же тебе стоит пока немного попридержать свою радость. Хоть вероятность и невелика, а только может оказаться, что Клипербуш завещал лошадь вовсе не своему племяннику. Тогда наш договор окажется недействительным. Об этом ты не подумала?

Эмма посмотрела на неё с испугом.

– Нет! – пробормотала она.

– А надо бы, – сказала Долли. – На всякий случай. Хоть это и маловероятно, ведь у Клипербуша, насколько я знаю, не было никаких других родственников, но... забывать об этом пока что не стоит. Самую-самую малость, но думай. Хорошо?

Эмма кивнула.

Ещё бы, теперь-то она будет думать об этом. Постоянно. И уж точно не только самую малость.

– Долли, а Долли? – вдруг спросила она. – Старый Клипербуш в самом деле хотел забрать тебя с собой в Америку?

Бабушка засмеялась. Да так громко, что Миссисипи наострила уши.

– Да он-то хотел, – сказала она. – Но я не захотела. А теперь забудь об этом. Это было так давно, что и на правду-то больше не похоже.

– А всё же когда-нибудь мне хотелось бы послушать эту историю, – сказала Эмма.

– Когда-нибудь, – ответила Долли. – А сейчас поддержи-ка ты свою лошадь. У меня уже рука немеет.

Весь остаток пути до дома кобылу вела Эмма. В животе у неё словно кружились тысячи мотыльков, и во рту пересохло от счастья, но ей всё ещё отчего-то не верилось.

Чтобы у неё да вдруг появилась лошадь.

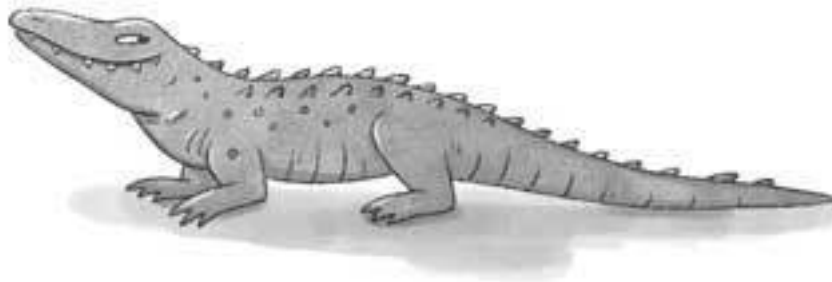
Настоящая собственная лошадка!

«Нет. Такое бывает в книгах или в кино, – снова и снова думала она. – Только не в настоящей жизни. И тем более не со мной, ведь мне не разрешают держать даже хомяка».

Но когда она оборачивалась, Миссисипи была тут, рядом с нею.

И Эмма просто смотрела на кобылу и радовалась, изо всех сил стараясь не думать о том, как быстро могут пролететь летние каникулы.

Глава четвёртая

– Господи, как же ноги-то болят! – простонала Долли, когда они добрались до деревенского пруда. – Эта прогулка была даже хуже езды на велосипеде. За неё Кнапсу придётся вылечить по меньшей мере трёх моих кошек.

Она открыла ворота, и навстречу ей с лаем бросился Пучок.

– Ну вот что, толстяк, лаять тебя придётся отучать, – проворчала Долли. – Иначе того и гляди угодишь в кастрюлю к Эльсбет – на воскресное жаркое.

На скамейке под ореховым деревом ждали Макс и Лео.

– Эй, Эмма! – крикнул Макс. – Что ты тут делаешь с клячей старого Клипербуша?

– Тихо! – шикнул на него Лео и с беспокойством осмотрелся. – Это приносит несчастье.

– Что... это? – удивлённо вытаращился на него старший брат.

– Нельзя произносить имя покойника вслух.

– Да ну, чепуха какая, – ухмыльнулся Макс и побежал навстречу Эмме.

Миссисипи нетерпеливо пританцовывала на месте.

Долли успокаивающе похлопала её по шее.

– Эмма, я думаю, первым делом стоит отвести твою лошадь на пастбище. Поставь её на малом выгоне за козым хлевом.

– Хорошо. – Эмма прищёлкнула языком и потянула Миссисипи за собой. – Можете пойти с нами, если хотите, – сказала она, проходя мимо мальчиков, – только тихо-тихо, ладно? А то Миссисипи будет нервничать.

– Теперь ещё будешь делать вид, будто мы ничего не смыслим в лошадях! – крикнул Макс ей вслед.

* * *

Альдо стоял под кустом сирени и дремал. Когда Эмма отворила калитку малого выгона, он поднял голову и с любопытством посмотрел на неё.

Привязав Миссисипи к забору, Эмма расседлала её, а затем вывела на новое пастбище. Кобыла беспокойно осматривалась по сторонам.

– Ну как? – негромко спросила Эмма. – Нравится тебе здесь?

Миссисипи наострила уши, отступила на несколько шагов назад и снова огляделась.

– Всё пока ещё незнакомое, правда? И звуки, и запахи...

Лошадь раздула ноздри и фыркнула.

– ...и трава здесь на вкус, наверное, не такая, как у тебя дома, – продолжала Эмма. – Знаешь, мне это чувство тоже знакомо. В том смысле, что всё незнакомое. Я переезжала намного чаще, чем ты, спорим?

Тут кобыла заметила Альдо. Она прорысила несколько метров в его сторону, остановилась и тихо заржала. Альдо фыркнул и неторопливо затрусил к забору, разделявшему выгоны.

– Это Альдо. – Эмма медленно шла по невысокой траве следом за Миссисипи. – Он старше тебя и порядочный лентяй. Но вы с ним обязательно поладите.

Кобыла прислушалась и оглянулась на Эмму так, словно понимала каждое слово. Эмма подошла к ней, погладила мягкую гриву и протянула руку к принимающим ноздрям.

– А как меня зовут, ты ведь тоже ещё не знаешь, верно? Лошадям такое интересно? Меня зовут Эмма.

Альдо вытянул шею через забор и заржал. Миссисипи вскинула голову и повернулась к нему. Лошади стали разглядывать друг друга.

– Эй, Эмма! – крикнул с калитки Макс. – Что это ты там болтаешь? Лошади не любят, когда им заговаривают зубы.

– Сам ты болтун. – Эмма бегом вернулась обратно, влезла на забор и уселась на самую верхнюю жердь, рядом с Максом. – Что ты вообще в этом понимаешь? Я думала, тебе лошади не нравятся.

Макс пожал плечами.

– Не то чтобы очень. Вот Лео их любит.

Прислонившись к калитке, Лео наблюдал за тем, как лошади обнюхивают друг друга через забор.

– А что это Долли имела в виду? – спросил Макс. – Как это «твоя лошадь»? Мой отец сказал, что племянник Клипербуша пустит её на колбасу.

– Он так и собирался, – объяснила Эмма, – но Долли выкупила у него Миссисипи и подарила мне.

– Ну, желаю успехов! – Макс хмыкнул. – Тогда уж сразу покупай для неё собачий поводок. Ведь она никому не позволяла ездить на себе верхом – только старому Клипербушу. Лео, помнишь, как она сбросила Хинерка?

– Ещё бы, – кивнул Лео, не отводя глаз от лошадей.

– Хинерк? Это тот, что из автомастерской? – спросила Эмма.

– Точно, – кивнул Макс. – Повсюду рассказывал, что ездит верхом как заправский ковбой. А старый Клипербуш ему и говорит: «Вот как? Ну так прокатись на Миссисипи кружок вокруг деревенского пруда». Хинерк тогда прямо в пруд и угодил. А когда вылез, был похож на болотную кикимору. Ух, как он злился!

Эмма недоверчиво покачала головой и перевела взгляд на кобылу. Миссисипи и Альдо всё ещё обнюхивали друг дружку. До Эммы доносилось их тихое ржание.

– А что, Миссисипи и племянника Клипербуша тоже сбросила? – спросила она.

Лео отрицательно мотнул головой.

– Этому больше нравится сидеть в шикарной тачке, чем на лошади. И потом, он давным-давно в городе живёт. У него там фирма какая-то. Сюда он только раз в месяц приезжал – навестить Клипербуша. И каждый раз они вместе отправлялись на могилу сестры Клипербуша: сам старик – верхом на Миссисипи, а племянник – следом в машине.

– Знаешь, как я его окрестил? – Макс хихикнул. – Аллигатором. За его улыбочку. Ты при случае обрати внимание: этот тип скалится как крокодил. Как самый настоящий крокодил. – Макс изобразил на лице такой оскал, что Эмма и Лео не смогли удержаться от смеха.

– Очень похоже, – подтвердила Эмма.

Они снова принялись разглядывать пасущихся по обе стороны забора лошадей.

– Это хорошо, что Альдо – мерин, – заметил Лео. – Мерин и кобыла обычно ладят друг с другом.

Макс ухмыльнулся.

– Отец говорит, что Клипербуш иногда заводил Миссисипи в дом и предлагал ей чашку кофе. Представляете?

Лео и Эмма с хохотом повисли на заборе.

– А почему, собственно, её зовут Миссисипи? – спросила Эмма.

– Потому что любимой книжкой Клипербуша был «Том Сойер», – пояснил Лео.

– Точно, – пробурчал Макс. – А там вся история происходит на реке Миссисипи. Он нам об этом тысячу раз рассказывал. И всё донимал нас своими афоризмами. Э-э, слышите? – Он обернулся. – Там перед домом кто-то сигналил как сумасшедший.

* * *

Перед воротами Долли стояла машина доктора Кнапса с Томом и Джерри на заднем сиденье.

– Долли! – кричал доктор из окна машины. – Долли, на помощь!

Эльсбет Докенфус с любопытством перегнула через свою садовую калитку.

– Что ещё за шум? – крикнула она. – Обеденное же время!

– Привет, Эльсбет! – крикнул доктор в ответ и помахал ей через ветровое стекло. – Эмма, пожалуйста! – Он понизил голос. – Будь так добра, приведи бабушку.

– Конечно.

Эмма забежала в дом и вернулась вместе с Долли.

– Чего тебе? – недовольно спросила та. – Нельзя уже, что ли, и радио десять минут послушать?

– Эти твои собаки! – жалобно сказал доктор Кнапс. – Мне никак не удаётся выгнать их из машины. Я уже дважды пытался их выпроводить, но они попросту не вылезают! А стоит мне оставить их одних, как они принимаются грызть подголовники сидений.

– Да-да, с этим я знакома. – Долли распахнула заднюю дверь и свистнула сквозь зубы. Том и Джерри тут же выскочили наружу и, виляя хвостами, завертели у её ног.

– Слава богу! – Доктор с облегчением откинулся на спинку сиденья. – Ну а теперь рассказывай, как всё прошло у племянника Клипербуша. Кобыла у вас?

Долли кивнула.

– Ур-ра! – прокричал доктор и от радости забарабанил по рулю. – Значит, теперь мы сможем сделать всё возможное, чтобы подарить нашей даме ещё несколько славных годочков, верно?

– Он хотел получить четыреста марок, – стала рассказывать Эмма. – Но Долли сбила цену до двухсот.

– Вот и чудесно! – Доктор Кнапс сиял. – Выходит, я ещё получу назад целую сотню!

– Три сотни, – поправила его Долли и вынула кошелёк. – Я решила подарить кобылу Эмме. Раз её спасение далось мне таким тяжким трудом, пусть уж теперь остаётся в нашей семье. Да и Альдо будет рад компании.

Доктор ошарашенно смотрел на неё.

– Ну просто обалдеть! – выпалил он. – Я согласен, но только при одном условии.

– И при каком же? – поинтересовалась Долли.

Эмма с тревогой перевела взгляд на ветеринара.

– В следующие три месяца все расходы на кормёжку я беру на себя. А ещё Эмма при случае снова сварит для меня такой же чудесный крепкий кофе. Согласна?

Эмма заулыбалась.

– Согласна.

– Вашу руку, мисс! – Доктор Кнапс протянул ей из окна свою длинную худую руку. – Хозяйке кобылы мои сердечные поздравления. И совершенно по секрету: Миссисипи – отличная лошадь, хоть по ней и не скажешь.

– Ах, по-моему, она очень симпатичная, – улыбнулась Эмма.

– Вот и чудесно! – воскликнул доктор. – Слышал бы это сейчас старый Клипербуш! От радости он перепрыгнул бы через собственную могилу. Да, кстати, по воскресеньям он всегда угощал Миссисипи плиткой шоколада. Так вот, неплохо было бы тебе отучить её от этого.

Он ещё раз махнул из окна, дал газ и покатил прочь – чуть быстрее обычного.

Глава пятая

Подошло время ужина, и Лео с Максом отправились домой. Когда Эмма гостила у бабушки, их родителям не часто приходилось видеть своих сыновей. После ухода мальчиков Долли и Эмма покормили животных, Эмма приготовила свою фирменную яичницу-болтунью, а потом они посмотрели по телевизору старый фильм с Кэри Грантом и бесконечно большой любовью. На счастливом конце Долли, как всегда, всплакнула, и после этого они пошли спать.

Наверху, в комнате Эммы, на кровати уже растянулись и мирно посапывали Том и Джерри, а на платяном шкафу уютно устроилась чёрная кошка.

Эмма любила свою маленькую комнатку у Долли под крышей: запylённые букетики лаванды на подоконнике, старые фотографии Долли и матери Эммы на стене, цветастое одеяло и пышную подушку, в которой её голова утопала почти полностью. Обычно она спала на ней мёртвым сном, но этой ночью не могла сомкнуть глаз.

Она беспрестанно думала о Миссисипи. В конце концов, не каждый же день получаешь в подарок лошадь. Охотнее всего Эмма устроила бы себе постель на соломе, рядом со стойлом Миссисипи. Но, вспомнив рассказы Долли о крысах, шарящих в курятнике по соседству в поисках пищи, она всё-таки решила отказаться от этой затеи.

Наконец, когда за окном стало темным-темно, Эмма всё-таки не утерпела. Накинув свой утренний халатик и натянув резиновые сапоги, она с фонариком в руке выскользнула из дома. Заспанные Том и Джерри последовали за нею. Проходя по двору, Эмма подняла взгляд к ночному небу: здесь у Долли оно было по-настоящему чёрное, а не такое молочно-серое, как в городе, – и сплошь усеяно звёздами.

Вдоль хлевов в поисках легкомысленных мышей шныряли кошки Долли.

Эмма осторожно приоткрыла скрипучие ворота конюшни и тихонько проскользнула внутрь. Пахло свежей соломой и лошадьми. Одна из лошадей фыркнула в темноте.

Том и Джерри принялись рыться в соломе, а Эмма подошла к Миссисипи. Долли отвела кобыле дальнее стойло, так что между нею и Альдо оставался свободный денник. Всё-таки знакомы они были только первый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.